

Часть I

ГЛАВА 1

Из низины донесся звук приближающейся машины, и его превосходительство окружной комиссар с недовольством оторвался от документов, с которыми, как обычно, он работал перед ужином. Настоящей постоянной практики он уже давно не имел — с тех самых пор, как его избрали на эту должность, но все же в некоторых случаях обитатели Гринвиллоу ехали именно к нему: более опытных врачей в округе не было.

Его превосходительство прислушался. Судя по звуку двигателя, к усадьбе мчался не обычный фермерский грузовичок, а мощный колесный вездеход. Такие здесь были наперечет, и комиссар, поднявшись из кресла, поспешно запахнул на груди теплый халат. Очевидно, машину послали за ним — странно только, что без предупреждения.

Окружной комиссар спустился на первый этаж, резко сдвинул в сторону тяжелую зеленую штору на окне холла и прильнул к стеклу. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть от неожиданности. Возле невысокого, поросшего вездесущим мхом кирпичного забора стоял черный бронированный транспортер с эмблемой фельдъегерской службы Конфедерации. Вот в борту его распахнулась небольшая дверца, и на пожухлую осеннюю траву прыгнул юный лейтенант в форменном кожаном пальто. На поясе у него висела массивная кобура, а запястье левой руки поблескивало тонким браслетом, соединенным цепочкой с ручкой служебного

портфеля. Его превосходительство окружной комиссар территории Гринвиллоу до боли закусил губу и, рывком повернувшись, глянул в сторону ведущей на второй этаж лестницы. Ему не хотелось, чтобы фельдъегеря увидели домашние. Вряд ли кто-то сейчас бросится к окнам: до ужина осталось совсем немного, прислуга уже накрывает на стол. Комиссар бесшумно распахнул входную дверь и шагнул навстречу спешащему по дорожке лейтенанту: калитка была открыта, и тот, видимо, не стал никого звать, а сразу пошел к дому. Что ж, тоже правильно...

— Полковник Огоновский? — Юноша остановился в двух шагах от комиссара, чуть прищурился, изучая его лицо, знакомое ему, несомненно, по служебной ориентировке, получаемой перед каждой миссией: фельдъегерь должен знать получателя, невзирая на то что имеет и служебный идентификатор, исключающий появление двойника.

— Я вас слушаю.

Лейтенант коротко кивнул и раскрыл свой портфель.

— Прошу. — Он достал толстый серый пакет, с двух сторон запечатанный орлами Конфедерации.

— Велено ждать ответа? — спросил Огоновский, недвижно глядя на пакет в тонких пальцах офицера.

— Никак нет.

Комиссар коротко вздохнул и решительно протянул руку:

— Благодарю вас.

Лейтенант отмахнул честь, четко развернулся через левое плечо и стремительно зашагал обратно к своему транспортеру. Некоторое время Огоновский, не замечая осеннего холодка, так и лезущего под домашнюю одежду, смотрел прямо в спину юноши. Наконец фельдъегерь ловко забрался в темное нутро машины, басовито

взвыл двигатель, и транспортер, развернувшись, нырнул в сумерки. Его превосходительство моргнул, затем неторопливо повернулся и пошел к приоткрытой двери большого старого дома. Когда он поднялся в свой кабинет, часы в гостиной на первом этаже гулко пробили семь. Огоновский вздрогнул, поспешно высунулся в коридор и гаркнул во весь голос:

— Ханна, я задержусь!

Ему не ответили: в доме все давно привыкли начинать ужин без него.

Комиссар сел в кресло, неловко взломал печати и высыпал на стол два конверта: один был пузатый и длинный, а второй, квадратный и снова же увенчанный армейскими орлами, содержал, видимо, какие-то бумаги. Пару секунд Огоновский размышлял, какой из них вскрыть первым. Угрозу таили оба, но он не знал еще, какую именно. Ясно было одно: просто так отставным полковникам фельдъегерей не посылают. И кресты на грудь в такой обстановке им никто вручать не станет... Все же некоторая надежда еще оставалась, и его превосходительство, ухватившись за соломинку, решительно разорвал удлиненный конверт из податливого желтого пластика.

В ладонь ему выпали золотые погоны легион-генерала медицинской службы.

Огоновский осторожно положил их перед собой на стол, потом, пошарив в кармане, достал толстую сигару. Сделав пару крепких затяжек, он уже без всякого волнения потянулся ко второму конверту.

«Дорогой Огоновский! — прочитал он. — Нам прекрасно известно, что Вас, как джентльмена, облеченного высоким доверием Ваших избирателей, мобилизационные предписания мирного времени никоим образом не касаются. И все же, учитывая исключительность сложившейся ситуации, мы не приказываем, а просим

Вас, полковник, принять предлагаемый Вам чин и явиться...»

— Трайтеллар, — выдохнул его превосходительство. — Что-то у них загорелось на Трайтелларе. О господи!..

* * *

Дежурный администратор отеля «Максвелл-холл» растянул губы в корректнейшей профессиональной улыбке и незаметно коснулся сенсора ввода данных своего инфора, расположенного под стойкой.

— Буквально одну секунду, милорд...

Очень высокий мужчина в темно-зеленом десантном мундире с погонями уинг-генерала, несколько нависающий над прилизанным пробором администратора, не соизволил пошевелиться, все так же безразлично разглядывая объемное голографическое панно с ярким горным пейзажем, расположенное позади стойки.

— Вашу милость ожидают в номере 27-12. — В глазах администратора вспыхнул, но тут же погас едва заметный огонек любопытства. — Прикажете сопроводить вас?

— Это излишне, — качнул головой генерал и, повернувшись, размашисто зашагал к лифтам.

Золотисто-зеркальная кабина остановилась на двадцать седьмом этаже. Генерал бросил короткий взгляд на свое отражение, поправил на голове высоковерхую фуражку и вышел в широкий, отделанный драгоценными породами дерева коридор. Климатическая система насыщала прохладный воздух слабо ощутимым ароматом хвои. Посмотрев на светящиеся зеленые стрелки указателя, генерал свернул налево, чтобы через два десятка шагов остановиться перед высокой полированной дверью. Холодная рукоятка в виде змеиной головы провернулась с породистым щелчком, и дверь, влеко-

мая гидроцилиндром, медленно раскрылась навстречу гостю.

— Проходите, милорд, — услышал он. — Я жду вас.

Генерал вошел в просторную гостиную и протянул руку шагнувшему к нему мужчине средних лет в сдержанно-респектабельном костюме. Первое, что бросилось ему в глаза, это усы хозяина, свисающие ниже подбородка. Такое украшение подходило, пожалуй, провинциальному фермеру, а не тому, к встрече с кем готовился высокий гренадер. Хозяин номера тихонько усмехнулся и указал генералу на одно из глубоких замшевых кресел, стоящее рядом с низким овальным столиком:

— Прошу вас, милорд. Можете звать меня Гарри, так будет проще нам обоим. Прикажете накрыть стол?

— Благодарю. — Высокий генерал бросил свою фуражку на угловой диван и с явным удовольствием расположился в кресле. — Я обедал.

— Но от приличного коньяка вы, я надеюсь, не откажетесь?

— От приличных вещей я отказываюсь редко.

— Ценю вашу откровенность, — едва слышно рассмеялся Гарри и шагнул к тускло поблескивающей кожей стенной панели.

На столике появилась высокая темная бутылка, пара приплюснутых крутобоких бокалов и вазочка с местными сладостями. Гарри выдернул пробку, налил себе и гостю, после чего достал из внутреннего кармана пиджака небольшую деревянную коробку.

— Угощайтесь, — предложил он. — У моего отца собственная плантация на Бифорте.

Уважительно приподняв бровь, генерал вытащил из коробки короткую толстую сигарку и поднес ее к носу.

— Что ж, будем знакомы. — Гарри поднял свой бокал.

— Будем...

Некоторое время усач молчал. Дождавшись, когда его гость завершит ритуал раскуривания сигары, он щелкнул пальцами и устроился в кресле поудобнее.

— Если быть откровенным, то я никогда не предполагал, что судьба сведет меня с вами, генерал, — начал он. — Совершенно не мой профиль, знаете ли... даже учитывая то, что в моей службе постоянно приходится ожидать разных сюрпризов, и редко когда они бывают приятны.

— Понимаю, — усмехнулся в ответ генерал.

— Боюсь, не совсем. Я не представился... Впрочем, моя должность все равно не скажет вам ровным счетом ничего, поэтому попытаюсь так: я занимаюсь разного рода странностями и труднообъяснимыми фактами, время от времени случающимися то там то сям. К вашей прежней деятельности, как вы понимаете, сие не имеет ни малейшего отношения.

— В моей службе тоже хватало странностей.

— Я говорю о несколько других странностях, — поморщился Гарри. — Грубо говоря, я всю жизнь занимаюсь тем, что принято называть «аномальщиной». В массовом сознании подобные явления воспринимаются в основном как байки и легенды, но кто-то ведь должен заниматься и легендами, не так ли?

— Полагаю, что не я, — улыбнулся генерал. — Я, как правило, имел дело с сугубой конкретикой.

— И тем не менее оказались в несколько дурацкой ситуации. После расформирования вашего «Мастер-фокса» в связи с загадочной историей на Альдарене вы просили под свою руку либо иное линейное подразделение, либо кафедру. А получили забавную должность начальника офицерской школы для сержантов, выслуживших лейтенантский чин. Но и там вы не задержались надолго, потому что некоторые из ваших питом-

цев, вместо того чтобы благополучно увольняться в запас и становиться офицерами сельской жандармерии, неожиданно вернулись в вооруженные силы на офицерский контракт. Формально им в этом отказать было нельзя, верно? И это бы ничего, но вдруг выяснилось, что самый усредненный выпускник вашей школы образован куда лучше своего линейного начальства с Академией за плечами. Такие вещи у нас не прощают, вам не кажется?

— Вы хотите меня удивить? — невозмутимо хмыкнул гость.

— Что вы... удивлять я начну чуть позже. Пока я просто освежаю в памяти некоторые эпизоды вашей биографии. Знаете, что удивляет меня самого? Что вы покинули школу, которой отдали столько сил, даже без намек на какой-либо скандал. А ведь устроить его вам не стоило ровным счетом ничего. Вы превратили захолустный учебный корпус в первоклассное заведение, выпускающее офицеров, бесценных для любой армии. И это вам негласно поставили в вину. Вас всю жизнь в чем-то обвиняют, Ланкастер, и почти всегда — негласно, под ковром. Почему вы не уволились после всего этого ко всем чертям? Ведь вы уже год находитесь «в распоряжении», прекрасно понимая, что ни кафедру, ни тем более научный институт вам никто не даст — просто побоятся. Или вы ждете, когда вас назначат командиром какого-нибудь колониального корпуса?

— В данный момент я, возможно, согласился бы даже на легион.

— Но легион вам не дадут просто по чину. Не положено.

— Дорогой Гарри, если бы я имел четкий ответ на ваш вопрос, то, поверьте, убывал сейчас к месту новой дислокации. Но... Зато я имею некоторые предположения относительно того, зачем мне передали просьбу

встретиться с вами. Но так как работодатель здесь вы, то вам и слово. А я постараюсь не тянуть с решением.

Гарри посмотрел на настенные часы в темном деревянном корпусе и вздохнул.

— Вот и начинается самое интересное... Видите ли, Ланкастер, если вы думаете, что кому-то в СБ взбрело в голову реконструировать ваш карательный легион или тем паче создать учебное заведение подобного профиля, то вы ошибаетесь. Собственно, никакой командной должности я вам предложить не могу.

— Вот как? — В глазах генерала впервые затлел огонек интереса. — Зачем же я вам нужен? Если вы полагаете, что кому-то все же удастся втянуть меня в политику, то вам не стоит тратить время. Тем более, — он снова усмехнулся, — ваше время.

— Политика не интересует меня по определению, — скривился Гарри. — Я не из этого отдела. Я же сказал вам: я занимаюсь совершенно другими вещами. Моя задача — предложить вам отправиться в небольшое путешествие. Собственно, вы нужны нам для подстраховки... именно вы, Виктор Ланкастер, а не линейный рубака с полной грудью орденов и двумя извилинами.

— Меня ждет один из айоранских миров, — утвердительно произнес Ланкастер.

— Хуже. Трайтеллар. И усмирять там никого не потребуется. По крайней мере, я надеюсь на это.

— Что же тогда?

— На ваше место рассматривались два десятка кандидатур, но в итоге было решено, что в Конфедерации нет человека, способного быстро ориентироваться в той ситуации, в которой вам, возможно, придется оказаться. Никого, кроме вас. И на принятие решения у вас не более четверти часа.

— Мне придется убивать людей? — быстро спросил генерал.

— Почти наверняка — нет, — спокойно выдержал его взгляд Гарри, — и если да, то только в плане обороны.

— Мне придется сопровождать гражданских лиц?

— Категорически исключено. Те, кого вы будете сопровождать, не станут для вас слишком серьезной обузой. Более того, в ваше распоряжение передается прекрасный линейный легион. Если этого потребует задача, вы вправе положить его до последнего солдата. Никаких расследований не будет. Решайте, генерал, у вас мало времени.

Ланкастер допил свой коньяк и вытащил из нагрудного кармана кителя портсигар.

— Кого вы поставите на мое место, если я откажусь? — негромко поинтересовался он.

— Юри Пратта, — ответил Гарри. — Но он ангажирован сенатскими ультралибералами, с ним могут быть проблемы.

— Понятно. Все так серьезно?

— Все намного серьезней, чем вы себе представляете. Если бы речь шла о каком-нибудь банальном мятеже или очередных шуточках эсис, вас позвали бы куда раньше... Время идет, генерал.

— Я согласен. Если дело дошло до Бесноватого Юрика, на шутки это действительно непохоже. Вы кого-то ждете?

— Я жду вашего будущего напарника и боюсь, что он может прийти раньше срока. Еще коньяка?

— С удовольствием.

Едва Гарри поставил бутылку на столешницу, в дверь номера тихонько поскреблись. Усач бросил короткий взгляд на часы и поднялся из кресла. Ланкастер с любопытством повернулся к двери.

— Здравствуйте... мастер Харальд, если не ошиба-

юсь? — Голос вошедшего был мягким и немного насто-роженным.

Виктор чуть прищурился. У двери стоял корена-стый, немного грузноватый мужчина средних лет в но-веньком, только от портного, мундире легион-генерала медицинской службы ВКС. На фуражке врача Ланка-стер заметил характерные «крылышки» экипажного со-става — значит, в войну доктор летал. Это уже чуточку лучше... и вдруг, вспомнив давно позабытые события, он понял, кто станет его напарником.

— Рад знакомству, мастер Огоновский, — вежливо поднялся Ланкастер.

— Взаимно, милорд. — Взгляд свежеиспеченного генерала стал немного колючим — тот тоже узнал Вик-тора.

— Присаживайтесь, присаживайтесь, господа, — ра-душно закудахтал Гарри. — Вам коньяка, дорогой док-тор?

— Н-да, пожалуй. — Врач осторожно опустился в кресло и поправил густые темные локоны. — Навер-ное, разговор нам предстоит нелегкий... давайте сразу, мастер Харальд, без околичностей: что на Трайтелларе? Бунт, сель, цунами? Вылетая сюда, я перерыл все по-следние новостные узлы, но ничего вроде бы страшно-го не увидел. Зачем я вам понадобился? Или вы думаете, что меня так уж обрадует ностальгическая прогулка?

— На Трайтелларе? — буднично переспросил Гар-ри, доставая из бара еще один бокал. — На Трайтелла-ре, господа, хреново. Сама собой открылась межпро-странственная дырка, да не одна, похоже, их там целый дуршлаг в одной точке.

— Вообще-то они открывались и раньше, — вдруг помрачнел Огоновский. — Но это мало кого интересо-вало. Я кое-что видел, будь оно все проклято...

— Я знаю. — Гарри уселся и потянул из коробки от-

цовскую сигару. — Мое начальство, честно говоря, тоже не хотело заниматься подобными вещами. Тут еще и политика, конечно: как вам известно, Трайтеллар подписал только первую часть Договора Согласия, и ни о каких секретных экспедициях там пока не может быть и речи. На планете действуют исключительно гуманитарные миссии да еще пара строительных концернов, заключившие контракты с местными правительствами, — пока это все. Единственное, на что они согласились в военном плане, это присутствие орбитальной оборонительной группировки. Вторая часть Договора висит в воздухе, и вы сами понимаете, как на это обстоятельство реагируют наши политики. А если учесть, что через восемь месяцев у нас сенатские выборы... — Он безнадежно махнул рукой.

— Так что же все-таки случилось? — сощурился Огоновский. — С политикой все более-менее ясно. Что у вас на Трайтелларе?

— О Проклятых Городах вы, конечно, слыхали? Сперва они действительно удивили наших комиссаров, но потом факт их запустения предпочли объявить религиозными табу, наложенными духовенством в финале Эпохи Сражающихся Континентов. Между тем дело отнюдь не только в запрете и не в том даже — хотя было и такое объяснение, — что большая часть их приходится на самую нищую и забитую область планеты, обитатели которой еще пятьдесят лет назад автомобиль видели раз в три года. Хотя другие страны уже дошли до «эмбрионального», как у нас говорят, звездоплавания. Одни табу никого бы не остановили.

— На Трайтелларе табу остановит любого Колумба, — фыркнул Огоновский. — Вы слабо владеете темой. А вокруг Проклятых Городов создана мифология наподобие наших Содомы с Гоморрой, только похлеще. Потому туда действительно никто не лезет.

— Да, но один военный физик, сильно заинтересовавшийся этим феноменом — а на религию ему, как вы понимаете, было начхать, — решился провести некоторые, хотя и весьма поверхностные, исследования. И выяснил он очень странную вещь — развалины на архипелаге Урсан, который местные даже с воздуха обходят десятой дорогой, тысячу шестьсот лет назад подверглись воздействию лучевого ОМП незнакомого нам типа. Если учесть, что столетие Сражающихся Континентов закончилось на тряпичных аэропланах, то вопросец получается очень интересный, вам не кажется?

— И там есть дыра?

— Неизвестно. — Гарри помотал головой и тяжело вздохнул. — Ведь так просто ее не найдешь, а у того исследователя не было ни времени, ни желания ее искать. О его высадке стало известно нашим комиссарам, они устроили скандал — комиссары, видите ли, больше всего на свете боятся недовольства местных властей, и физика убрали с Трайтеллара навсегда.

— Простите, джентльмены, — подал голос Ланкастер, — если я правильно понял, вы говорите о неких проходах, ведущих в так называемые параллельные миры? Мне приходилось слышать о подобных вещах, но я, признаться, никогда не воспринимал это всерьез... И откуда они там взялись — местный феномен?

— К сожалению, это работа наших старых приятелей глокхов, но концов в деле их создания нам не сыскать никогда, можете мне поверить, — поморщился Гарри. — Уже пытались... глокхи, сами знаете, выходят на контакт с нами только по собственной инициативе, к тому же прошло столько времени — в общем, вопрос «кто и зачем» для нас уже не имеет никакого практического смысла. Инструкцию по использованию нам не оставили, надо обходиться своими силами. Ситуация крайне осложняется тем, что дырки, возможно, ведут

не только на параллельный Трайтеллар, а куда-то еще. И исследовать мы их толком не можем... Все, что в наших силах, — это хотя бы попробовать разобраться, с какой периодичностью открывается тот самый «дуршлаг», о котором я уже говорил. А дальше, имея ну хоть некий минимум информации, убедить местного сатрапа в том, что он должен пустить на свои земли полноценную экспедицию. Именно для этого вы нам и потребовались, мастер Огоновский.

— Да, он, может, и имени моего не слышал, — фыркнул тот. — По-моему, далеко не все на планете в курсе событий, происшедших после высадки группировки Вальтера Даля.

— Слышал, слышал, — заулыбался Гарри. — Ведь сатрапствует там ваш старый знакомый Халеф. Правда, зовут его теперь иначе, но это он, можете не сомневаться. Но так как у него некоторые трения с крайне консервативным крылом собственного духовенства, то никого, кроме медицинской миссии и небольшого отряда строителей, которые возводят ему сеть аэродромов, он к себе не пускает. У нас, разумеется, была мысль отправить к нему исследователей под видом геодезистов, но эта хитрая рожа сверяет списки в головном планетарном комиссариате Конфедерации, а там уже ничего не спрячешь. Какую бы секретность мы ни возвели, все равно найдется добросердечный аноним, желающий сходить на исповедь к своему региональному сенатору. Последствия понятны, не так ли?

— То есть вы хотите, чтобы я убедил его в том, что нам нужно посмотреть, что там творится с дырками на его территории? — невесело усмехнулся Огоновский. — А потом?

— Он в любом случае не сможет разрешить присутствие серьезной экспедиции, — мотнул головой Гарри. — Поверьте, я знаю, о чем речь. Но вас он, безус-

ловно, примет в самом лучшем виде. И вас — пропустит. Хотя бы как старых друзей. Ни один местный епископ не сможет возмутиться, если Почтительнейший Сын — таков, кстати, его титул — устроит для вас роскошное многодневное сафари. Тот же факт, что вас станет сопровождать досточтимый воин вашего ранга, лишь поднимет авторитет гостя в глазах этих гребаных святош.

— Вообще-то Халеф был неплохим парнишкой, — задумался Огоновский. — Но времени прошло немало, да и власть такого уровня никого еще, кажется, не красила. Но попробовать, конечно, стоит. Ладно! Рассказывайте, что у него там вылезло. Что, в самом деле, вас так напугало, а?

Гарри глубоко вздохнул и вытащил из кармана брюк небольшой блестящий брелок. Над сдвинувшейся в сторону крышечкой мягко моргнула зелеными клавишами виртуальная клавиатура. Разведчик набрал какой-то короткий код и дернул головой:

— Для начала — это. Самое удивительное из всего...

Посреди комнаты возникла картинка, сперва плоская: желтая равнина, там и сям густо усеянная небольшими тускло-зелеными шарами каких-то растений. Записывающая головка сместилась в сторону, изображение вдруг стало объемным — длинное, тонкое, остроносое тело с широкими, почти треугольными крыльями, расположенными в самой корме, у высокого парного киля, замерло в конце глубокой песчаной борозды. Оператор включил трансфокатор — съемка, видимо, велась с возвышенности на расстоянии около трехсот метров от поврежденной машины, и теперь стали отчетливо видны десятки одинаковых круглых пробоин в носу, а также неровная трещина у корня крыла, разрывающаяся фюзеляж на две части. Никаких опознавательных знаков на незнакомой машине не было, однако,

судя по ее виду и размерам, она могла относиться как к сверхмалым звездолетам, так и к сугубо атмосферному классу.

— Бомбардировщик с комбинированной атомно-электрореактивной силовой установкой, — сообщил Гарри.

— Атмосферник? — уточнил Ланкастер.

— Да, — кивнул усач. — Очень странная штука. Наше счастье, что реактор не взорвался, а то пришлось бы потратить немало времени на борьбу с радиацией. Там все крайне примитивно, энергоустановка управляется практически вручную, навигационные приборы — проще не придумаешь, никаких процессорных цепей, только самая тупая электромеханика и гидравлика в каналах аэродинамического управления. Но моторы остроумные, у наших предков на аналогичном уровне ничего подобного не было. На таких движках можно в принципе ходить по космосу: некоторый резерв рабочего тела он несет на себе. Кстати, подобные двигатели стояли на ранних планетолетах Трайтеллара. Но в то время электроники у них уже хватало. В данном случае — несоответствие: мотор и планер как бы опережают свое время на полстолетия, если не больше.

— Чем он был вооружен?

— Он прорвался к нам с пустым бомбоотсеком, но можно сказать точно, что ядерного оружия у него не было. Это еще не главная странность. Сейчас я покажу экипаж.

Гарри коснулся пальцем висящей в воздухе клавиатуры. Полуразрушенный бомбардировщик исчез, сменившись вдруг какой-то довольно большой комнатой с серыми стенами. Прямо перед оператором находились четыре одинаковых топчана, на которых лежали, едва на них помещаясь, массивные тела в желтых комбинезонах. Ланкастер с шумом втянул сквозь зубы воздух,

Огоновский же, напротив, прищурился и подался вперед.

Они были похожи на людей. Но предки их происходили из другого рода... Густо заросшие черным (у одного, самого крупного — пепельным) мехом, немного выдающиеся вперед морды с рядами острых треугольных зубов в приоткрытых ртах, огромные, странно вытянутые глаза, способные, очевидно, смотреть как прямо перед собой, так и по сторонам, и — похожие на кошки — уши по бокам головы.

— Хищники, — твердо произнес Огоновский и потянулся за сигарой. — Вот черт, а? Второй раз за всю нашу историю. Вторая эволюционная аномалия после Росса...

— Не просто хищники, — криво усмехнулся Гарри, и на месте мертвых чужих появилось плоское изображение какого-то лохматого серого зверя, стоящего на полусогнутых задних лапах, при этом передние тянулись вперед, словно желая схватить фотографа. — Потому что давно уничтоженного на Трайтелларе млекопитающего — сурчхоя на языке жителей региона его обитания, прошу вас. Этому снимку пятьсот лет... Другая дорога эволюции, как видите. Впрочем, те, давние ученые считали сурчхоя почти разумным, но случаев его приручения не наблюдалось.

— Эти... они были живы, когда приземлились? — спросил Ланкастер.

— Второй пилот. Остальные погибли еще там... у них. Этого, к сожалению, застрелили наши охранники, потому что едва он выбрался из самолета, как сразу открыл огонь из мощного автомата. Пули, знаете ли, у него были совсем не игрушечные. Да-да, в этом есть определенная дикость: наши, едва увидев аварийную посадку самолета, поспешили на помощь. Местная медслужба была поднята по тревоге. Ну, дальше... Офицер

охраны, который сел за канонира на вездеходе, тут же, после первых очередей, разворотил ему башку, но там, в прозекторской, это не заметно, потому что его уже подшили для придания товарного вида. Никаких интересных документов, за исключением «плоских» полетных карт — это карты Трайтеллара с незначительно отличающейся береговой линией континента, — на борту самолета обнаружено не было. Никаких личных записей. Вообще ничего, кроме обедков полетного пайка на четверых. Судя по картам, бомбардировщик преодолел расстояние в восемьсот километров, разгрузился над точкой, которая на «нашем» Трайтелларе представляет собой глухой и безлюдный горный район, и пошел назад, но почему-то сильно сбился с курса, чтобы в итоге пройти над действовавшей в тот момент «дыркой». «Дырка» на него зачем-то отреагировала. Карты, разумеется, будут предоставлены в ваше распоряжение, но я не думаю, что они хоть чем-то помогут. На данном этапе, по крайней мере.

— Очень интересный путь, — в задумчивости произнес Огоновский. — Можно предположить, что несколько миллионов лет назад там, на Трайтелларе-2, произошло некое событие, придавшее сурчхою значительный эволюционный толчок, в результате чего он пришел к разуму. Но в любом случае он не может быть «чистым», так сказать, хищником: все равно всеяден, как и мы с вами. Среди обедков нашли остатки растительной пищи?

— Да, — отозвался Гарри. — Вы правы, уважаемый доктор, их рацион не просто близок к нашему — мы используем один и тот же набор белков, аминокислот и прочего. Один из наших специалистов пошутил, что мы для этих зверушек однозначно съедобны.

— Дурацкие у ваших спецов шутки, — размышляя о чем-то, отмахнулся Огоновский. — Вы бы лучше зада-

лись вопросом, почему он стал стрелять, как только увидел людей?

— Ну, вероятно, мы показались ему невообразимыми чудовищами, — засмеялся усатый. — Плюс стресс, сами понимаете: бомбардировщик, похоже, был подбит зенитной ракетой с боеголовкой, начиненной то ли шариками, то ли чем еще. Вероятно, у них там идет война. Это, собственно, одна из главных причин, так взволновавшая мое начальство.

— Возможно, возможно, — покачал головой Андрей. — Я уже начинаю понимать. А другие... причины? Их не очень много, надеюсь?

— Нет. Но они малоприятны, особенно с виду. — Гарри с хрустом размял пальцы и подлил гостям коньяку. — Настолько неприятны, что я даже не хочу их вам показывать — у вас будет время ознакомиться со всеми материалами во время перелета. «Дырка» выбрасывала нам формы жизни, не способные существовать на Трайтелларе. К счастью, на этот раз они не являлись носителями разума.

— Какая-то некислородная дрянь? — сморщился Ланкастер.

— Довольно любопытная с точки зрения науки, — кисло улыбнулся Гарри, — но вот на вид, знаете ли...

— Понятно. — Огоновский сделал небольшой глоток и со стуком поставил свой бокал на столешницу. — Мы можем надеяться, что ваше уважаемое ведомство все же обеспечит нас несколько более подробными инструкциями? И желательно в письменном виде, э?

— О, разумеется, джентльмены! Все материалы будут предоставлены вам не далее чем сегодня вечером. Пока же нам следует зафиксировать ваше согласие на участие в операции документально — таковы, знаете ли, наши правила. Прощу сюда... Да-да, правую руку, как обычно.

* * *

Лифт остановился. Огоновский подался в сторону, уступая дорогу Ланкастеру, но тот мягко коснулся раскрытой ладонью его локтя:

— Субординация для нас неуместна, вы не считаете?

Андрей поспешно вышел из сверкающей кабины и остановился, разглядывая высокого генерала в зеленом мундире. Глаза Ланкастера улыбались.

— Мне кажется, нам нужно поговорить, мастер Огоновский, — произнес он. — Как вы?

— Верно, — кивнул тот. — И пожалуйста, обращайтесь ко мне просто по имени. В противном случае беседа станет невыносимо куртуазной, что также неуместно.

— Тогда я — просто Виктор, — и Ланкастер протянул врачу свою руку. — У меня есть одно предложение... надеюсь, вы не откажетесь от доброго обеда?

— Давно пора, — согласился Огоновский. — Но я не очень-то разбираюсь в местных кабаках.

— Это и не нужно, — махнул рукой десантник. — Я знаю, куда нам ехать.

Выйдя на тротуар, он раскрыл дверцу стоящего перед отелем такси и наклонился к водителю.

— Эппл-роуд, заведение «Старый фазан», знаете? — спросил он.

— Непременно, ваша милость, — браво отрапортовал таксист. — Доставлю в лучшем виде.

Расположившись на скрипящем кожей заднем диване, Ланкастер поднял стеклянную перегородку, отделявшую пассажиров от водителя, и вздохнул.

— Мы едем в кабак моего бывшего штабного повара, — сообщил он сидящему рядом Огоновскому. — Давненько я его не видал. Будем надеяться, что старина Шнеерсон не потерял сноровки.

Андрей молча покивал в ответ и устало прикрыл

глаза. Его рейсовый лайнер пришел рано утром, выспаться времени не было — а от слишком ранних подъемов он уже отвык. Ланкастер, коротко скосив глаза на своего спутника, предпочел не досаждать тому беседой и устался в затемненное окно машины.

Кар неся по висящей в воздухе десятирядной полосе ситивэя. Океан остался за спиной, впереди виднелись невысокие ярко-зеленые горы, там и сям украшенные затейливыми башенками загородных вилл. Желтые полосы узких шоссе, вьющиеся меж гор, свечки пирамидальных тополей по обочинам, рыжеватые пятна черепичных крыш небольших уютных домиков для тех, кто не мог себе позволить жить в собственном, пусть и миниатюрном, замке, — открывающаяся с высоты картина вызвала у генерала задумчивую и немного грустную улыбку. Почти вся его жизнь прошла в других мирах, мало похожих на эту старую метрополию, освоенную еще в имперские времена. То были планеты сурового климата, как правило, с низким свинцовым небом, с вечно бушующими холодными океанами и бескрайними, на тысячи километров, массивами страшных черных лесов. Даже родной Сент-Илер, довольно жаркий в целом, представлялся ему в образе одной лишь непрекращающейся осени с ее промозглым ветром и унылыми, надоедливими дождями: Ланкастер родился в умеренном поясе северного полушария, там, где лето длилось не более двух месяцев в году.

Громада мегаполиса осталась позади, и ситивэй пошел вниз, чтобы вскоре, едва миновав прибрежную горную гряду, опуститься в просторной, сплошь покрытой дивными садами долине, прорезанной парой небольших речушек. Широченная трасса, ведущая в глубь континента, дальше шла по поверхности, но таксиста она уже не интересовала: свернув на трехуровневой развязке налево, он выскочил на песочно-желтую

ленту двухрядки, и вот за окнами понеслись величественные колонны пирамидальных тополей, меж которых мелькали аккуратные ворота усадеб. Заборы скрывались под сплошным ковром вьющихся растений, высаженных в специальную компостную обмазку, наносимую прямо на кирпич.

Огоновский открыл глаза, моргнул и потянулся к кнопке стеклоподъемника. В салон ворвался густой, горячий ветер, пахнувший морем и цветами одновременно.

— Куда это мы заехали? — с удивлением спросил Андрей у Ланкастера.

— Да как бы не в рай, — усмехнулся тот. — Я и не догадывался, что Джо решил устроиться в таком милом уголке. То есть я знал, что заведение у него — загородное, но чтобы вот так... Жаль, нет времени побыть здесь хотя бы недельку.

— Н-да, после моих родных болот... — вздохнул Огоновский и, опустив стекло до упора, выставил из машины раскрытую ладонь.

Таксист притормозил, мягко ввалился в правый поворот и почти сразу остановился.

— Прошу, господа, — донесся его голос из переговорного устройства.

— Я рассчитаюсь, — предупредительно заявил Ланкастер, роясь в кармане кителя.

Огоновский кивнул и толкнул дверцу кара. Выбравшись наружу, он набрал полные легкие и — замер в восхищении. Такси стояло на вымощенной грубоватым желтым камнем площадке, обсаженной с двух сторон привычными уже тополями. Слабый ветерок, лениво шевеля золотую бахрому на новеньких генеральских погонах, обволакивал Андрея непостижимо тонкими ароматами цветущего сада и степных трав. Перед ним, светясь голографической вывеской, кокетничало стрель-

чатыми окошками двухэтажное строение с острой черепичной крышей, выглядящее живой игрушкой великана.

— Молодец Джо, — проворчал Ланкастер, вылезая наконец из машины. — Ай, молодец! Соответствует пейзажу, не правда ли?

Огоновский покачал головой и двинулся вперед. Честно говоря, ему хотелось бы немного постоять еще, наслаждаясь этим ветром, так шумно веселящимся в острых верхушках тополей, но желудок недвусмысленно напоминал о своем существовании, да и Ланкастеру, верно, хотелось поскорей увидеть старого приятеля. Гренадер решительно потянул на себя массивную дверь из темного лакированного дерева, и оба генерала оказались в просторном зале с низким потолком, уставленном круглыми столами: мягко струилась тяжелая красная ткань скатертей, поблескивала бронза небольших настольных светильников.

— Давайте, наверное, здесь, — предложил Ланкастер, указывая на столик в углу возле приоткрытого окна.

— С удовольствием. — Огоновский снял фуражку и пригладил волосы, рассматривая картины на стенах: основу коллекции составляли различные сцены из охотничьей жизни древних.

— Что будет угодно господам генералам? — Появившийся возле столика официант склонился в точно выверенном полупоклоне.

— Я надеюсь, подполковник Шнеерсон на месте? — спросил Ланкастер.

— Вы имеете в виду хозяина? — немного удивился официант.

— Ну да, дядюшку Джо. Он должен ждать меня.

— Как прикажете доложить? — вытянулся официант.

— Да очень просто: скажи, командир приехал.

— Слушаюсь, ваша милость!

Огоновский раскрыл было толстую папку меню с оттиснутым на красноватой коже фазаном, но Ланкастер, хитро улыбаясь, помахал пальцем:

— Это не для нас, дружище.

— Э?..

— Дядюшка Джо найдет, что нам предложить. Да вот и он, собственно.

Андрей повернул голову: через зал совершенно бесшумно скользил, издав издали поднимая в приветствии руки, могучего телосложения мужчина в легких белых брюках и полурасстегнутой цветастой жилетке на голое тело, под которой виднелся округлый, но не пошлый пока еще живот. Пепельно-седые волосы, густые и слегка вьющиеся, благородно ниспадали ему на плечи, выдавая собой офицерское прошлое.

— Ка-амандир!

Ланкастер встал, следом за ним поднялся со стула и Огоновский. Хозяин заведения, почти одного роста с долговязым гренадером, облапил того по-медвежьи, слегка потрепал по затылку и отпустил.

— Не стареешь, — с удовольствием сообщил он.

— Ты тоже, — ударил его по плечу Ланкастер. — Разрешите представить тебе моего нового друга, легион-генерала Огоновского. Он, как ты должен помнить, личность небезызвестная.

— Дорогой доктор. — Чуть поклонившись, Шнеерсон протянул Андрею огромную, обильно украшенную перстнями лапу.

— Очень рад. — Андрей засмотрелся на бугристое предплечье ресторатора, украшенное богатой коллекцией типично десантных татуировок.

Таковыми руками Джо, наверное, мог свернуть в трубочку любой из своих сотейников. На левой скуле у не-

го красовался небольшой белый шрам, еще один, более широкий, Огоновский разглядел чуть повыше правого соска — то были следы давних лучевых ранений, прекрасно знакомые Андрею. Повара с такими отметинами ему еще не встречались: очевидно, Шнеерсон получил свои кресты в золотом погоне отнюдь не только за образцовые рагу и подливки.

— Что будем пить, господа генералы? — осведомился Джо.

— Наверное, коньяк. — Ланкастер вопросительно посмотрел на Андрея. — Сегодня нам можно. Вообще мы надолго: нас посылают на дело, и говорить мы будем, пожалуй, едва не до полуночи. Так что распорядись насчет кабинетика и смотри, чтобы нас не дергали.

— Что ж, — понимающе закивал Шнеерсон, — тогда я осмелюсь предложить для начала уточку эттали — это местная птичка, дивных достоинств, — и, разумеется, сюрпризные соусы по столичным рецептам.

— Здесь мы во всем полагаемся на тебя, — улыбнулся Виктор. — И... часам к восьми будь готов послать человека в город за нашими вещами. Ведь вы, Андрей, наверняка не платили за свой номер вперед? А у Джо, я думаю, найдется пара скромных комнатушек.

Огоновский согласно кивнул: он остановился в небольшой гостинице для членов корпорации отставных флотских врачей, расположенной далеко не в столь романтическом месте, как «Фазан», и отказываться от предложения было просто глупо. Шнеерсон провел своих гостей в небольшой кабинет с распахнутым настежь высоким окном, после чего исчез.

— Судя по вашим глазам, — Ланкастер достал сигареты и уселся за стол, — это неожиданное назначение удивляет вас гораздо меньше, чем меня.

— Я не исключал, что мне придется увидеть Трайтеллар еще раз, — поморщился Огоновский. — Причи-

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I

Глава 1	5
Глава 2	33
Глава 3	68
Глава 4	86
Глава 5	101
Глава 6	118
Глава 7	133
Глава 8	151

ЧАСТЬ II

Глава 1	169
Глава 2	193
Глава 3	214
Глава 4	235
Глава 5	252
Глава 6	265
Глава 7	282

ЧАСТЬ III

Глава 1	297
Глава 2	316
Глава 3	334
Глава 4	352
Глава 5	366
Глава 6	378
Глава 7	392
Эпилог	408